

"Он создал наше лицейское братство"

Выпускница 84-го лицея. Сдала сессию и приехала домой на каникулы. Мысли привычные: "Сейчас отдохну, высплюсь - и в лицей". К учителям и, конечно, к директору, Власову.

И тут мне сказали, что Владимира Александровича больше нет...

Я не стану сейчас писать о том, как мне тяжело. Хочу хотя бы чточку написать о том, что было хорошего.

Представляете, собираетесь вы в девятые годы с несколькими учителями и решаете: "Мы сделаем лучший в городе лицей, наши ученики будут поступать в самые престижные вузы". И делаете. И уже 20 лет с лишним лиценсты занимают призовые места на олимпиадах, а потом поступают - не куда получится, а куда хочется.

Почему? Потому что лиценсты неглупые? Потому что преподаватели талантливые? Да. Но не в этом все дело. Лучшим 84-й лицей сделал Власов. Он создал не просто школу. Он создал наше лицейское братство, и это не громкие слова.

"В лицее тяжело учиться только первые три года", - говорил Власов. И все лиценсты, читая это, улыбаются, потому что мы учились в лицее всего три года - с 9 по 11-й класс.

Власов - совершенно нетипичный директор. Он подходил ко мне на перемене и дергал за нос или за косички. Когда я приходила в школу в красных колготках, он обещал поставить меня вместо пугала в огороде. Он говорил, что без пирожков с капустой на экзамен к нему лучше не приходиться.

Лучшим подарком на Восьмое марта и День учителя была песня от Владимира Александровича. Теперь от этих песен под баян остались только записи, которые я не могу и уже, наверно, не смогу слу-

шать спокойно. А после концерта звучала коронная фраза: "Теперь в учительскую - пить кефир".

Я брала у Власова свое первое в жизни интервью. Сбежала с урока алгебры, села за стол в кабинете директора и почувствовала себя ужасно важной персоной. Эта фраза - то, что особенно запомнилось из того разговора:

"Ученики. Учителя. Родители. Три этих составляющих сделали наш лицей отличным от обычной школы. Таких прекрасных лиценстов и лиценсток я не видел нигде. Открытые, светлые лица. У нас ученики знают, чего хотят, ставят свои цели и добиваются их".

Владимир Александрович говорил, что никогда не опустит руки, идя к цели. Он работал очень много. В кабинете стоял диван - Власов мог быть в лицее днем и ночью. И был с лицами до последних дней.

Больше всего Власов не любил инертности лиценстов. Он верил в нас и учил верить в себя. Есть такой прекрасный фильм "Общество мертвых поэтов". Про школу и учителей. Лучшим званием для учителя там становится слова: "О, капитан мой, капитан!". Я долго думала: есть ли тот, кто был бы для меня капитаном? И поняла: это Власов. "Капитан, без которого судно потонет".

Я ушла из лицея, но Власов из моей жизни не ушел. Я знала: что бы ни случилось в жизни, я буду каждый год приходить в свою школу, и там будет Власов. Он заметит все: настроение, улыбку, новую прическу. Он вспомнит тысячу баек из своей студенческой жизни. Мы приходили к нему и с гордостью рассказывали о своих успехах, потому что понимали: ему правда это интересно, он гордится нами, своими "звездочками". Ему не так уж важны были наши пятёрки. Главное, чтобы в жизни у нас всё было хорошо.

И когда стало плохо, когда наступило время прощаться, к нему пришли его лиценсты. Нынешние и прошлые, приехавшие из Питера, Томска, Москвы, Новосибирска.

Он болел. Сильно болел и давно. Я встречала его и с тревогой замечала: постарел. Новые морщинки. Усталость. Но он мог так пошутить, так расхохотаться, что все тревоги улетали. Нет, что вы, это же Власов! Он сейчас подойдет и по ладони ударит: "Дай пять".

Галина Сахаревич.